

Цинъюаньчунь: О душевной связи через письма

Нефритовые доски сияют, серебряная бумага переливается красками, искусно украшая чертоги Ланхуань.

Здесь, собирая звезды, выводят письма, перемещают облака, чтобы залатать небесный свод; черпают воду из родника, растирают тушь, собирают росу, чтобы смешать краски.

Ханьская черепица и циньский кирпич, танский дух и сунская мелодика — всё это находит приют в дивных книжных переплетах.

Там, где взгляд замирает, свет мудрости пронзает небеса, а лунный лик наполняет покой.

Две тени вместе склонились над шелковыми свитками, с улыбкой указывая на узы, связывающие людей через искусство письма.

Даже если бессмертные владеют чудесными техниками, они всё равно уступают чувствам; даже дивные зрелища небес завидуют поэзии и созерцанию.

Золотое хранилище наполнено, аромат книжной пыли разлит в воздухе, и тысячи свитков свидетельствуют о предназначённой судьбе.

С этого дня, как бы ни менялся мир, этот уголок будет вечно прекрасен.

В тот день, когда на острове Фуюэ созрели плоды тоски, Вэньбо заметил на их коже узоры, напоминающие древнее письмо чжуань. Чанъэ нежно коснулась линий и вдруг произнесла:

— В Лунном дворце хранятся древнейшие книги трех миров, жаль только, что многие из них изрядно обветшали.

Вэньбо взглянул на пустовавший павильон у озера Яогуан, и в голове его родилась мысль:

— Почему бы нам не построить библиотеку?

Эта идея привела Суэ в необычайный восторг. Она немедленно принесла иглу, латающую небо, и нить, связывающую нефрит — сокровища, оставшиеся со времен, когда богиня Нюйва чинила небесный свод; ими можно было восстановить любые поврежденные документы. Ваншу же принесла из Млечного Пути воду бессмертия, способную вечно сохранять свежесть чернил.

Спустя три дня подготовки семиэтажная восьмиугольная башня с многоярусными карнизами возвысилась в восточной части дворца Синъюэ. Вывеску с названием Ланхуаньгэ Вэньбо вывел собственноручно, инкрустировав каждый штрих звездами, сконденсированными из лунного сияния. Самым удивительным было то, что стоило ночному ветру коснуться карнизов, как развешанные там колокольчики начинали исполнять старинные мелодии разных эпох.

В день открытия Вэньбо представил тщательно продуманный павильон Четырех сезонов. Весенняя комната украшена цветами персика и сливы, в летней комнате аромат лотосов наполняет рукава, осенняя уставлена стеклянными фонарями, а зимняя устлана коврами из

снежного пуха. Каждая комната была обставлена в соответствии с эпохой, к которой относились хранящиеся там книги.

— Здесь самое чудесное место, — Чанъэ распахнула двери в верхний зал Сюаньсяо. Купол был абсолютно прозрачным, и свет звезд падал прямо на письменный стол. Пол был застлан ковром, способным к автоматической сортировке: как бы ни были разбросаны свитки, стоило положить их на ковер, как они сами возвращались на свои места.

Чтобы пополнить коллекцию, Вэньбо запустил план Поиска глав. Он попросил Сычэня отправиться на корабле, сотканном из звездного света, к островам Пэнлай, чтобы вернуть утраченные фрагменты Канона гор и морей. Ваншу с помощью вуали, хранящей тени, скопировала лучшие фрагменты дуньхуанских фресок, а Суэ звуками цитры пробудила древние письма, спавшие в глубинах гор Куньлунь.

Однажды, разбирая книги, Вэньбо обнаружил в свитке Ши цзин сухой лист. Стоило ему осторожно коснуться его, как лист внезапно ожил, явив миру цветы персика трехтысячелетней давности. Еще удивительнее было то, что там, куда падали лепестки, возникали образы чиновников, собиравших поэзию в древних царствах.

— Оказывается, книги тоже обладают душой, — тихо рассмеялась Чанъэ, принеся росу омоложения, подаренную Владычицей Запада. Под воздействием нектара бамбуковые планки сами собой восстанавливались, изъеденный червями шелк вновь обретал блеск, и даже стершиеся надписи на стелах становились четкими, как в день создания.

Самым поразительным стало то, что стоило лишь поставить на полку восстановленное Собрание песен Юэфу, как весь стеллаж наполнился музыкой эпох Хань и Тан. Пение танцовщиц, взмахи рукавов, переборы струн пипы — всё оживило в павильоне Ланхуань.

Чтобы книги передавались вечно, Вэньбо изобрел печать Двух сердец. Стоило им вдвоем приложить к титульному листу кольца, скрепляющие их союз, как содержание книги навеки запечатлевалось на Камне трех жизней. В ту ночь, когда они ставили печати на Полное собрание танской поэзии, свиток Лин Юйцзи Ли Цинчжао вдруг озарился дивным светом, и в воздухе возник призрак поэтессы, погруженной в раздумья над книгой.

— Родственную душу найти нелегко, — тихо вздохнул призрак, кивнул им в знак приветствия и растворился в лучах света, впитываясь в страницы.

Чанъэ, тронутая до глубины души, вспомнила о лунном искусстве Зеркальных цветов. Она применила магию, превратив строки о тростнике из Ши цзин в реальность: у берега озера Яогуан зашумел тростник, выпала белая роса, и среди них показалась та самая красавица, переходящая реку вброд.

Вдохновленный этим, Вэньбо разбил за павильоном Сад оживших легенд. Цветы и деревья здесь меняли облик в зависимости от читаемой книги: чтение Чуских строф порождало ароматные травы, а декламация Чжуан-цзы призывала облака, подобные крыльям гигантской

рыбы Кунь.

Когда в гости прибыли небожители, Вэньбо устроил в павильоне Любования луной игру в рифмы. Когда Суэ заиграла Тройную мелодию Янгуань, в павильоне закружились пушинки ив; когда Ваншу продекламировала Весеннюю реку, лунную ночь, за окном раскинулся мерцающий речной пейзаж. Но самым удивительным было то, что когда Сычэнь произнес строку о Чаньэ, жалеющей о похищенном снадобье, та лишь рассмеялась и взмахнула рукавом, и в воздухе тут же возник величественный образ стрелка Хоу И, сбивающего солнца.

В конце месяца, подводя итоги, они насчитали в Ланхуаньгэ тридцать тысяч редких свитков. В центре сортировочного ковра Вэньбо установил помост Преемственности, поместив рядом Кулинарную книгу рода Вэнь, переданную ему матерью, и Записки Лунного дворца, составленные Чаньэ.

— Когда у нас появится дитя, эти книги станут для него лучшими наставниками, — Вэньбо нежно погладил покрасневшие щеки Чаньэ.

Она застенчиво опустила голову, и заколка в виде двух бабочек, стремящихся к луне, затрепетала в волосах. Она взяла нефритовую дощечку и начертала на ней плоды их совместных трудов, назвав это Кодексом Ланхуань, первой строкой которого стала фраза: Питать книги чувством, передавать мудрость сердцем.

В ту ночь звезда Тай-инь светила особенно ярко. Свет падал на глазурованную черепицу Ланхуаньгэ, преломляясь в семицветное сияние. Эти огни сплетались в воздухе в различные письмена, от гадательных надписей на костях до каллиграфического устава, являя тысячелетнюю преемственность китайской цивилизации.

Вэньбо и Чаньэ, держась за руки, поднялись в зал Сюаньсяо и увидели в Зеркале мироздания земные края: во многих академиях внезапно расцвела ученость, сухие деревья ожили, а иссохшая земля дождалась дождя — это было эхо влияния Ланхуаньгэ, принесшее благодатный дар учащимся трех миров.

— Это лучший дар, который мы могли оставить миру, — Чаньэ прильнула к Вэньбо, наблюдая, как звездный свет течет между свитками, словно река.

(Глава шестая окончена)

<http://bllate.org/book/18930/1852319>